

ПОЛИТОЛОГИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

DOI 10.24412/1829-0450-2024-4-60-78
УДК 321.7

Поступила: 29.11.2024г.
Сдана на рецензию: 06.12.2024г.
Подписана к печати: 30.12.2024г.

АНАЛИЗ ВИДОВ ДЕМОКРАТИИ И ЕЕ ОПРЕДЕЛЯЮЩЕЙ СУБСТАНЦИИ ПО АРИСТОТЕЛЮ

А.А. Тер-Варданян

*Российско-Армянский (Славянский) университет
aram.ter.vardanyan@gmail.com
ORCID: 0009-0006-2685-2414*

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена исследованию двух теоретических вопросов, имеющих важное значение для содержательного понимания античной демократии. Первым предметом исследования являются предложенные Аристотелем виды демократии и причина их количественного несоответствия в различных классификациях, в одной из которых он говорит о пяти, а в двух других – о четырех видах. Вторым предметом является анализ и уточнение определяющей субстанции демократии согласно Стагириту.

Актуальность работы обусловливается стремлением глубже осмыслить аристотелевское, а, следовательно, и античное понимание демократии. Результаты исследования могут использоваться для решения широкого круга научных задач – таких, как проблема периодизации афинской демократии, сравнительное изучение последующих трансформаций понимания демократии, проблема ее определения и т.д. В работе по преимуществу используется сравнительный метод исследования.

Ключевые слова: Аристотель, виды демократии, субстанция демократии, свобода, равенство, определение демократии.

Введение

Работа посвящена политическим воззрениям Аристотеля, который внес неоценимый вклад в становление и развитие политической науки. В этой связи, не удивляет, что многие ученые считают его «основателем истинной политической науки» [1]. «Он хотел не только представить идеальное государство, но и показать, какое государственное устройство наиболее осуществимо при известных данных отношениях и какие учреждения вообще

наиболее подходящие для государства. Поэтому, он с философской теорией соединяет в своей «Политике» и рассмотрение реальных условий государственной жизни, основанное на обширном знакомстве с историческими событиями», – заключает немецкий историк-эллинист Георг Бузольт [2].

Оценка профессора Кильского и Гёттингенского университетов относительно философской теории Аристотеля совершенно справедлива. Ведь в политических трудах мыслителя из Стагиры гораздо больше эмпирической теории, чем нормативной политической философии. Поэтому, если брать термины в более строгом значении, то для политологии Аристотель прежде всего теоретик, и лишь потом философ. Как нельзя лучше об этом говорят превосходные слова Р.Ю. Виппера, о том, что «ученый, однако, в Аристотеле сильнее философа, и по временам, разбираясь в деталях, он дает нечто гораздо лучшее, чем общие определения» [3].

По мнению Анатолия Ксавериевича Бергера: «Основное внимание историков политических идей древней Греции привлекала теория политических форм Аристотеля, которая ставилась едва ли не в наибольшую заслугу философу» [4]. Согласно Диогену Лаэртскому, им были разработаны ««Государственные устройства» 158 городов, общие и частные, демократические, олигархические, аристократические и тиранические...» [5]. Причем «Аристотель не только аргументирует существование нескольких основных видов политий, но и подчеркивает наличие вариантов каждой из них» [6].

Скорее всего, одна из важных причин, вызывающих интерес и при этом обязывающих возвращаться к теории различных форм государственного устройства Аристотеля, заключается в том неоспоримом факте, что никто из античных философов ни до него, ни после не обращается к их исследованию, включая демократию, так обстоятельно и продуктивно, как философ из Стагиры. Мы не находим столь глубокого теоретического анализа народовластия ни у Платона, ни в беседах Сократа, ни в речах Демосфена, ни в «Истории» Фукидида или Геродота.

В этой связи первая часть работы посвящена исследованию видов демократии, к которым Аристотель дважды обращается в четвертой книге «Политики». Причем, если в первом случае он отмечает, что видов пять, то чуть ниже, во второй классификации он говорит уже о четырех. Далее, к тому же вопросу он возвращается в шестой книге, где также речь идет о четырех видах демократии. С чем связана столь неприсущая греческому философу непоследовательность и в чем причина такого несоответствия, является предметом исследования в первой части работы.

Стоит заметить, что указанная проблема выпадает из поля зрения многих историков-эллинистов. Например, такие уважаемые антиковеды как Георг Бузольт, академик Владислав Петрович Бузескул, А.К. Бергер, в представленных ниже работах подчеркивают четыре аристотелевских вида демократии,

но, к сожалению, не уделяют внимания указанному несоответствию, как и Харийс Туманс, который, напротив, считает, что видов пять. Обходит также стороной данную проблему Роберт Юрьевич Виппер [7], который лишь вскользь касается аристотелевских видов демократии, тем временем как швейцарский филолог-эллинист Андре Боннар в исследовании «Греческая цивилизация» или немецкий историк, антиковед Карл Юлиус Белох в своем двухтомном труде «Греческая история» вообще оставляют их без внимания.

Возможно, такое безразличие к обозначенной проблеме со стороны некоторых историков вызвано ее несущественностью для исторического исследования, чего нельзя сказать о политической теории.

Выводы и результаты, полученные в первой части работы, вынуждают обратить внимание на различные аристотелевские формулировки термина «демократия». Делается попытка выделить не только более полное по содержанию и точное по смыслу определение, но и осмыслить основную субстанцию демократии, определяющую ее суть, наряду с иными, свойственными ей признаками.

Несмотря на актуальность изучения проблемы определения демократии, данному вопросу также не уделяется достойного внимания, чем и обуславливается необходимость ее исследования.

Результаты исследования обобщаются в заключительной части работы, где делаются основные выводы и уточнения.

Виды демократии Аристотеля и проблема их количественного несоответствия

Итак, в четвертой книге «Политики» Аристотель дважды обращается к классификации видов демократии. Основной текст первой из них имеется в следующем изложении: «Характерным отличием так называемого первого вида демократии служит равенство. Равенство же, гласит основной закон этой демократии, состоит в том, что ни неимущие, ни состоятельные не имеют ни в чем каких-либо преимуществ; верховная власть не сосредоточена в руках тех или других, но те и другие равны. Если, как полагают некоторые, свобода и равенство являются важнейшими признаками демократии, то это нашло бы свое осуществление главным образом в том, чтобы все непременно принимали участие в государственном управлении. А так как народ представляет в демократии большинство, постановления же большинства имеют решающее значение, то такого рода государственный строй и является демократическим. Итак, вот один вид демократии.

Другой ее вид – тот, при котором занятие должностей обусловлено, хотя бы и невысоким, имущественным цензом. Обладающий им должен получить доступ к занятию должностей, потерявший ценз лишается этого права. Третий вид демократии – тот, при котором все граждане, являющиеся бесспорно

такowymi по своему происхождению, имеют право на занятие должностей, властвует же закон. Четвертый вид демократии – тот, при котором всякий, лишь бы он был гражданином, пользуется правом занимать должности, властвует же опять-таки закон. При пятом виде демократии все остальные условия те же, но верховная власть принадлежит не закону, а простому народу. 4. Это бывает в том случае, когда решающее значение будут иметь постановления народного собрания, а не закон. Достигается это через посредство демагогов» [8].

Как видно, в первой классификации Аристотель отмечает пять видов демократии. Чуть ниже, опять возвращаясь к вопросу классификации, он указывает на существование уже не пяти, а четырех видов. Причем, во второй классификации он начинает свое перечисление с указания, что «существует столько видов демократии и олигархии» [9]. А поскольку мыслитель различает четыре вида олигархии [10], то, следовательно, и демократий должно быть столько же. О четырех видах демократии он прямо говорит и в начале третьей классификации, при обсуждении лучшей из них [11]. Получается, что мы сталкиваемся с проблемой количественной неопределенности видов демократии.

Среди историков-эллинистов многие также считают, что аристотелевских видов демократии четыре. Например, Г. Бузольт подчеркивает, что «Аристотель различает четыре главные формы демократии» [12]. О том, что «Аристотель, говоря о формах правления и их видах, различает четыре рода демократии» [13], – пишет и В. Бузескул, той же позиции придерживаются А.К. Бергер [14] и многие другие специалисты. Хотя, к примеру, Х. Туманс, напротив, отмечает, что Аристотель «различает пять видов демократии» [15]. Причем интересно, что никто из перечисленных авторов в соответствующих работах не разъясняет, чем аргументирована их позиция, при этом оставляя открытым вопрос о «непоследовательности» философа.

Прежде чем перейти непосредственно к анализу, мы предлагаем для удобства и ясности кодифицировать виды демократии по очередности и классификациям. Например, первый вид первой классификации обозначим как (I вид, I К) или, предположим, третий вид во второй классификации – (III вид, II К), остальные будут пронумерованы по тому же принципу.

Тем временем определенный интерес к указанной проблеме проявляет антиковед, д.и.н. Татьяна Владимировна Кудрявцева. Стараясь внести ясность, профессор обращается к второму виду демократии первой классификации (II вид, I К), который начинается следующими образом: «Другой ее вид (αλλο δέ) ...» [16], полный текст которого дан выше. Подчеркнув это обстоятельство, она продолжает: «Некоторые исследователи следуют конъектуре, предложенной еще в конце XVIIIв. Й. Шлоссером, убирают слова αλλο δέ, и

тогда фраза переводится как “этот вид – такой, при котором занятие должно-стей обусловлено, хотя бы и невысоким имущественным цензом”, то есть первый и второй вид – один и тот же, всего же получается четыре разновидности демократии. По нашему мнению, вина за путаницу лежит на переписчиках рукописей, а не на Стагирите, и, руководствуясь логикой его повествования, следует принять такой вариант чтения этого спорного места, который исходит из наличия четырех типов демократии» [17].

Таким образом, согласно Татьяне Владимировне, которая своим комментарием поддерживает тезис немецкого историка, об объединении первого и второго вида первой классификации в один вид, т.е. (I вид, I К) + (II вид, I К), снимается проблема количественного несовпадения видов между различными классификациям.

Приняв справедливость шлоссеровского тезиса, разумно предположить, что каждому виду одной классификации должен содержательно соответствовать определенный вид в другой классификации. А поскольку, по Й. Шлоссеру, первые два вида первой классификации являются одним видом, то этому единому виду скорее всего должны соответствовать первые виды двух последующих классификаций, т.е. (I вид, II К) и (I вид, III К).

Чтобы убедиться в этом, прежде обратимся к первому виду демократии второй классификации (I вид, II К), который, согласно Аристотелю, таков: «Когда управление государством возглавляют земледельцы и те, кто имеет средний достаток, тогда государство управляется законами. Они должны жить в труде, так как не могут оставаться праздными; вследствие этого, поставив превыше всего закон, они собираются на народные собрания лишь в случае необходимости. Остальные граждане могут принимать участие в государственном управлении лишь после приобретения установленного законами имущественного ценза: всякий, кто приобрел его, имеет право участвовать в государственном управлении» [18].

Если сопоставить первый и второй виды первой классификации, которые Шлоссер считает единым видом, с (I видом, II К), то легко обнаруживается явное отличие последнего и (I вида, I К). Вместе с тем, довольно заметна схожесть изложения (II вида, I К) и (I вида, II К), но лишь с той разницей, что последнее дополняет и уточняет первое важным замечанием, что «в государстве главенствует закон, когда им управляют земледельцы среднего достатка».

Та же картина наблюдается с первым видом третьей классификации (I вид, III К), где мыслитель превозносит данный вид, считая его наилучшим и частично пересказывает текст из (I вида, II К). «Из четырех видов демократии, – пишет Стагирит, – наилучшим является, как об этом сказано в предшествующих рассуждениях, тот, который занимает по порядку **первое место**... Я

называю его первым в соответствии с естественным делением народонаселения. В самом деле, наилучшим видом народа является земледельческий; поэтому и возможно бывает насаждать демократию там, где народная масса живет земледелием или скотоводством. Не обладая значительной собственностью, люди не имеют там досуга часто устраивать народные собрания» [19].

Кроме того, посредством (I вида, III К) он дополняет (II вид, I К), а также вносит определенную ясность относительно участия в государственном управлении и принципа применения имущественного ценза указанного в (I виде, II К). Если немного перефразировать уже ранее приведенную мысль Аристотеля, то получится, что, *«когда земледельцы возглавляют управление государством, они собираются на народные собрания лишь в случае необходимости, а остальные граждане принимают участие в государственном управлении лишь после приобретения имущественного ценза»*. Очевидно, что здесь мы сталкиваемся с двоякостью и неопределенностью понятия «государственного управления» полисом, которую философ старается решить в (I виде, III К). Он, в частности, отмечает, что «для той демократии, о которой сказано выше, и полезным и обычным является следующий порядок: весь народ участвует в выборах должностных лиц, в принятии отчетов от них, отправляет обязанности судей, но высшие должности замещаются путем выбора и на основании имущественного ценза, причем, чем должность выше, тем больше ценз; или же ни одна должность не замещается на основании ценза, но принимаются во внимание лишь способности человека. Государство, имеющее такого рода устройство, разумеется, будет иметь хорошее правление, так как должности всегда будут занимать наилучшие граждане согласно воле народа, не питающего зависти к порядочным людям» [20].

Расставляя приоритеты относительно «государственного управления», Стагирит указывает, что такая деятельность, прежде всего и в большей степени, относится к всенародному участию граждан в экклесии и суде, и гораздо меньше к управлению полисом должностными лицами, которые избирались собранием на основании имущественного ценза. На самом деле, их властные полномочия в масштабах города-государства были гораздо ограничены по сравнению с народным собранием, под контролем которого они выполняли свои государственные обязанности.

Здесь самое место отметить, что фактически вторая и третья классификации являются в определенной степени дополнением к первой, чем и объясняется необходимость их изложения Аристотелем.

Результаты же проведенного сравнительного анализа, недвусмысленно показывают, что (II вид, I К), (I вид, II К) и (I вид, III К) схожи по содержанию, чего нельзя сказать о (I виде, I К), что в свою очередь дает право если не утверждать, то, по крайней мере, усомниться в справедливости предложенного

Й. Шлоссером тезисе – о единстве первого и второго видов первой классификации, т.е. (I вид, I К) + (II вид, I К).

Возможно, для полноты анализа, следовало бы сравнить три последующих вида первой и второй классификации. Но мы не считаем это необходимым, т.к. в изложении отчетливо видна их соответствующая схожесть и даже тождественность. Скорее всего для удобства будет лучше лишь процитировать остальную часть текста второй классификации. «Второй вид демократии отличается от первого следующими признаками: хотя все люди, в принадлежности которых к гражданам на основании их происхождения нет никакого сомнения, могут участвовать в управлении, однако участвуют только те, кто может иметь досуг; в такого рода демократии властвуют законы, потому что для необходимого досуга не хватает доходов. При третьем виде демократии принимать участие в управлении могут все свободнорожденные, однако в действительности участвуют по указанной выше причине не все, так что и в такого рода демократии неизбежно властвует закон. Четвертый вид демократии – тот, который по времени образования в государствах следует за предыдущими. 5. Вследствие увеличения государств по сравнению с начальными временами и вследствие того, что появилось изобилие доходов, в государственном управлении принимают участие все, опираясь на превосходство народной массы, благодаря возможности и для неимущих пользоваться досугом, получая вознаграждение. <...> Отсюда и происходит то, что в государственном управлении верховная власть принадлежит массе неимущих, а не законам. Вот сколько видов демократии и каковы они вследствие указанных неизбежных обстоятельств» [21].

На пути более глубокого и тщательного исследования обсуждаемой проблемы, определенный интерес вызывает также то обстоятельство, что многие специалисты, рассматривающие аристотелевские виды демократии, вслед за философом оставляют (I вид, I К) без соответствующего внимания. Так, например, согласно В.П. Бузескулу: «Первый вид демократии – тот, когда для занятия должности требуется ценз – и при том ценз незначительный, – так что каждый приобретающий его имеет доступ к должностям, а теряющий его лишается этого права» [22]. Заметно, что его определение касается (II вида, I К), (I вида, II К) и (I вида, III К), но никак не (I вида, I К). Хотя в этом отношении Г. Бузольт гораздо более многословен и подробней останавливается на первом виде, в его пересказе наблюдается аналогичная картина, что и у В. Бузескула. «Самой умеренной и самой древней была та, которая хотя и позволяла всем гражданам участвовать в народном собрании и судах, но возможность занимать высшие должности связывала с определенным, хотя бы и незначительным, имущественным цензом. Народное собрание созывалось не часто и располагало только самыми необходимыми правами совещательной и решающей власти. Стало быть, оно главным образом

выбирало сановников, принимало от них отчет, постановляло решения в государственных процессах, решало войну, мир и договоры с другими государствами. Сановники не получали жалованья и судьям не выдавалось суточных денег, так что участие беднейших в судопроизводстве было уже этим ограничено. Естественной почвой для такой демократии являлось земледельческое, умеренно зажиточное и потому ... население, которое, если работало, имело средства к существованию, но у него по большей части не было досуга часто посещать народные собрания и занимать государственные должности. Аристотель считает такой демос самым лучшим и эту форму демократии превосходной» [23].

Очевидно, что в контексте вышеизложенных суждений о первом виде демократии нет ничего достоверно относящегося к (I виду, I К), что говорит о некой обособленности данного вида. Поскольку сами авторы молчат, то нам сложно судить о причинах, по которым они не обращают внимания или игнорируют его как одну из форм демократии наравне с остальными. Аристотель также парадоксально выделяет именно этот вид тем, что в последующих классификациях не приводит соответствующего ему вида, но такая позиция обнаруживает довольно неожиданное и вполне разумное, на наш взгляд, объяснение.

Дело в том, что принципиальное отличие первого вида первой классификации от нижеследующих заключается в отсутствии у остальных таких определяющих условий и признаков демократии, как: свобода, равенство, необходимость участия граждан в государственном управлении и решающее значение воли большинства. Скорее всего, это обусловлено тем, что (I вид, I К) является не видом, а общим и необходимым критерием демократии вообще, которому, по сути, должен соответствовать каждый вид, несмотря на имеющиеся между ними отличия. Хорошим аргументом в пользу предложенного нами суждения представляется, например, указанный в (I виде, I К) принцип «участия всех в государственном управлении», который, не встречается в идущих за ним видах. В то время, как во второй классификации данный принцип в различных вариациях присутствует во всех видах демократии. Это говорит о том, что, поскольку, данный принцип указан в первом виде, то он относится к каждому виду первой классификации, а значит нет нужды упоминать о нем каждый раз, как это делается во второй классификации.

Таким образом, в свете приведенных аргументов, мы возьмем на себя дерзость не согласиться с тезисом, предложенным Й. Шлоссером. Несмотря на то, что мы в результате исследования также, как и он приходим к выводу, что видов демократии четыре, но причиной тому является не шлоссервский подход объединения двух видов, а то, что первый вид первой классификации (I вид, I К) является не видом как таковым, а общим и первичным определением демократии, которое формулирует Аристотель прежде, чем перейти

непосредственно к обсуждению ее видов. Вполне логично, что прежде, чем классифицировать какого-либо понятие по видам, подчеркивая их отличия друг от друга, необходимо определить само понятие и обозначить общие принципы свойственные ему, что и делает философ в самом начале.

Кстати, следует иметь ввиду, что более детального определения народо-властия до этого момента в «Политике» не встречается. Лишь в шестой книге, философ в очередной раз столь же подробно обращается к определению демократии. «Основным началом демократического строя, – пишет он, – является свобода. По общепринятому мнению, только при этом государственном устройстве все пользуются свободой, ибо к ней, как утверждают, стремится всякая демократия. <...> В самом деле, основное начало демократического права состоит в том, что равенство осуществляется в количественном отношении, а не на основании достоинства; если справедливость – в этом, то, разумеется, верховная власть принадлежит народной массе, и то, что решено будет большинством, должно считаться решением окончательным и справедливым. Все граждане, говорят, должны пользоваться равными правами, так что в демократиях неимущие оказываются обладателями большей власти, нежели состоятельные; ведь они составляют большинство, а верховную силу имеет решение большинства» [24].

Примечательно, что представленное определение, содержательное сходство которого с (I видом, I К) не подлежит сомнению, Аристотелем не классифицируется как вид демократии, что также является важным аргументом в пользу нашей позиции, согласно которой первый вид первой классификации является ни чем иным, как дефиницией демократии.

Определяющая субстанция демократии по Аристотелю

В своих размышлениях Аристотель не раз обращается к понятию демократии, но многие суждения о ней носят довольно общий характер и не раскрывают содержание и ее суть. Например, говоря о государственных устройствах, мыслитель пишет, что «в демократических государствах верховная власть – в руках народа» [25], или «при демократии эта власть сосредоточена не в руках тех, кто имеет большое состояние, а в руках неимущих» [26]. Очередным примером подобного рода является утверждение, согласно которому, «демократию не следует определять, как это обычно делают некоторые в настоящее время, просто как такой вид государственного устройства, при котором верховная власть сосредоточена в руках народной массы.....скорее следует назвать демократическим строем такой, при котором верховная власть находится в руках свободнорожденных» [27]. Очевидно, что понять из указанных формулировок, что такое демократия не представляется возможным, так как неясно, при каких условиях, в чем и как проявляется и реали-

зуется такая власть. Посему, считать подобные суждения, даже если они справедливы, определением демократии просто наивно, по причине отсутствия в них ее содержательных характеристик.

В тоже время, если сравнить представленные выше формулировки с принятой нами как определение демократии (I видом, I К), то без труда придем к заключению, что последняя гораздо более полно и глубже раскрывает и объясняет суть данного понятия, а не апеллирует к положениям общего характера.

Прежде всего, в определении мыслитель особо подчеркивает, что *«свобода и равенство являются важнейшими признаками демократии»*. Следовательно, Аристотель не страдает ложными представлениями о демократии и не сводит ее, как многие ошибочно делают, лишь к совокупности определенных свободы равенства прав. Хотя, к примеру, высказанная им в «Никомаховой этике» суждение о том, что *«“Демократия” же бывает в домах без господина (там ведь все равны), и там, где начальствующий немощен и каждому можно [делать, что ему вздумается]»* [28], можно при желании трактовать в таком духе, но это будет неверная интерпретация его мыслей.

Также философ вполне удачно обозначает суть свободы и равенства в демократическом процессе, которые *«находят свое осуществление в непреходящем участии всех в государственном управлении»*, тем самым подчеркивая, что их наличие суть не сама демократия, а необходимое условие для ее реализации. Следовательно, если при равных правах нет совместного участия в государственном управлении, то это не демократия.

Ранее мы уже отмечали, что *«участие в государственном управлении»* для свободнорожденных граждан прежде всего подразумевает их участие в выборах и принятии отчетов должностных лиц [29], а также отправление обязанностей судей. Очевидно, что такая деятельность осуществляется в народном собрании и суде, и непосредственно связана с коллективным принятием решений, где *«постановления большинства имеют решающее значение»*. А поскольку *«народ представляет в демократии большинство»*, т.е. имеется ввиду не вообще, а большинство при принятии совместных решений, *«то такого рода государственный строй и является демократическим»*.

Таким образом, сутью или субстанцией демократии по Аристотелю являются суть не свобода и равенство сами по себе, а участие в государственном управлении посредством совместного принятия коллективных решений согласно воле большинства, естественно, при условии правового равенства всех участвующих. Ведь *«Демократическим началом, – говорит Аристотель, – является то, когда все граждане решают все дела, поскольку к такого рода равенству демократия и стремится»* [30].

Заметим, что предложенная формулировка полностью созвучна с условием равенства, данным в определении (I вида, I К), согласно которому *«ни*

неимущие, ни состоятельные не имеют ни в чем каких-либо преимуществ; верховная власть не сосредоточена в руках тех или других, но те и другие равны», что, кстати, входит в кажущееся противоречие с требованием имущественного ценза на занятие должностей, указного в (II виде, I К) и, по идеи, в (III виде, I К).

Самоочевидно, что такой ценз дает правовое преимущество одним и ограничивает возможности других, даже при том, что он не устанавливается законом, а возникает по естественным причинам. Как бы то ни было, такой порядок вещей ведет к неравенству, а это указывает на несоответствие между принятым нами универсальным для остальных четырех видов демократии определением.

Но, по существу, никакого противоречия нет. Уже сам факт того, что мыслитель допускает ценз при демократии, причем считая ее лучшим видом, уже говорит о том, что демократия, согласно Аристотелю, реализуется на основании правового равенства граждан на участие в обсуждении и принятии решений относительно государственных дел, а не равноправия всех на занятие государственных должностей, что часто было связано с обладанием специальных качеств, знаний и навыков в афинском полисе, как, например, должность казначея или стратега. На это прямо указывает одно из размышлений философа, где он рассуждает следующим образом: «... над чем, собственно, должна иметь верховную власть масса свободнорожденных граждан, т.е. все те, кто и богатством не обладает, и не отличается ни одной выдающейся добродетелью? Допускать таких к занятию высших должностей не безопасно: не обладая чувством справедливости и рассудительностью, они могут поступать то несправедливо, то ошибочно. С другой стороны, опасно и устранять их от участия во власти: когда в государстве много людей лишено политических прав, когда в нем много бедняков, такое государство неизбежно бывает переполнено враждебно настроенными людьми. Остается одно: предоставить им участвовать в совещательной и судебной власти» [31].

Здесь Аристотель дает понять, что объективно приветствует участие всех граждан в управлении государством, путем принятия решений в народном собрании и суде, но не приемлет равноправия в исполнении должностных обязанностей. Он акцентирует наше внимание на том, что «прежде всего следует принять во внимание следующую исходную точку зрения: при созидании большей части видов государственного устройства царило общее согласие насчет того, что они опираются на право и предполагают относительное равенство; но в понимании этого равенства допускалась ошибка, на что ранее и было указано. Так, демократическое устройство возникло на основе того мнения, что равенство в каком-нибудь отношении влечет за собой и равенство вообще: из того положения, что все в одинаковой степени люди свобод-

норожденные, заключают и об их равенстве вообще» [32]. Тем самым Стагирит резко выступает против необоснованной абсолютизации всеобъемлющего политического равенства, причем ясно осознавая, что требование ценза на отправление государственных должностей, не противоречит самой сути демократии. Следовательно, заблуждаются все те, кто из одного условия равенства выводят равенство всех и во всем.

Представленные выводы имеют, на наш взгляд, принципиальное значение, так как довольно часто многие не только плохо понимают суть демократии, но и неверно трактуют суждения Аристотеля о ней. Так, например, Х. Туманс, ссылаясь на Стагирита, отмечает, что «формально суть демократии Аристотель определяет двумя признаками: властью большинства и свободой» [33]. Обращаясь к той же мысли Аристотеля, Т.В. Кудрявцева подчеркивает, что ««Демократия обыкновенно определяется двумя признаками: сосредоточением верховной власти в руках большинства и свободой»; здесь же разъясняется, что такое свобода: «возможность делать всякому что угодно»; «каждый живет по своему желанию»» [34].

Прежде всего, давайте процитируем полный текст отрывка, на который ссылаются историки-антиковеды. «В демократиях, – пишет Аристотель, – по крайней мере в тех, которые признаются по преимуществу демократиями, установились порядки, противоположные тому, что для демократий полезно, причина этого в том, что там плохо понимают, что такое свобода. В самом деле, демократия обыкновенно определяется двумя признаками: сосредоточением верховной власти в руках большинства и свободой. Справедливость, как им представляется, совпадает с равенством; равенство же понимается в том смысле, что решения народной массы должны иметь силу; свобода же толкуется как возможность делать всякому что угодно. Вот и живет в такого рода демократиях каждый по своему желанию или «по влечению своего сердца», как говорит Еврипид. Но это плохо: ведь следует считать жизнь, согласующуюся с государственным строем, не рабством, но спасением» [35].

Почему-то специалисты не обращают внимание, что в данном отрывке речь идет о свободе отличной от политической и даже противоположной ей. Согласно Аристотелю, «одно из условий [политической] свободы – по очереди быть управляемым и править» [36], что непосредственно связано с возможностью и необходимостью участия граждан в государственном управлении. При этом свобода, о которой говорится в тексте, напротив, оправдывает своеволие и стимулирует их пассивность и безответственность в делах полиса, и входит в прямое противоречие с субстанцией демократии, которая зиждется на совместности принятия решений. Данное обстоятельство, несомненно, является следствием крайне отрицательного отношения мыслителя к такого рода свободе, которое обнаруживается в его убежденности в том, что

«там плохо понимают, что такое свобода и, которая толкуется как возможность делать всякому что угодно и это плохо».

Поскольку термин «свобода» в исторически протяженном научном дискурсе и у Аристотеля используется в различных смыслах, необходимо уточнять, о какой свободе идет речь. В ином случае, как мы видим, это создает путаницу и ложное понимание демократии. Кстати, то же самое относится и к понятию «равенства», особенно когда равенство в чем-либо трактуется и сопровождается стремлением уравнивать всех во всем.

Обращаясь к верховной власти большинства, философ отмечает ее корреляцию с равенством при принятии решений народной массой. Тем самым он в очередной раз подтверждает, что достаточным требованием политического равенства является равноправное участие всех граждан, вне зависимости от имущественного положения, в обсуждении и принятии совместных решений на собраниях и в суде, тем самым, не подразумевая ее безусловность на занятие государственных должностей. Увы, но такое требование равенства не воспринимается многими специалистами, которые вопреки самой сути демократии стремятся абсолютизировать условие демократического равенства. За примером далеко ходить не надо и можно ограничиться очередным суждением Х. Туманса, который говорит: «Получается забавный парадокс: Аристотель ... наилучшей демократией называет государственный строй, который был у предков и который на самом деле не был никакой демократией! Реальную же демократию, современником которой он был, Аристотель сам же относит к пятому, наихудшему ее виду. Возникает впечатление, что философ запутался в своих рассуждениях и не заметил явного противоречия» [37].

На самом деле у Х. Туманса складывается неверное представление о путанице в размышлениях Аристотеля. Как ранее уже отмечалось, философ из Стагиры считает наилучшим видом – цензовую демократию, которая не предполагает полного равенства политических прав всех граждан и функционирует при цензовых ограничениях на занятие государственных должностей кем-либо. Но это вовсе не означает, что данный вид не является демократией. Если субстанция самой демократии заключается в совместном обсуждении и принятии решений большинством, то к политическому равенству предъявляется соответствующее требование, а именно равенство прав на такое участие, а не на какой-либо иной вид равенства.

А поскольку Х. Туманс уверен в обратном, т.е. в необходимости соблюдения безусловного политического равенства, то он отказывается принимать демократичность такого устройства, где не существует полного равенства. Далее, следуя той же логики, он признает «реальной демократией» ту, в которой подобных ограничений нет и провозглашается абсолютное и механическое равенство всех граждан, в то время как Стагирит, напротив, в некоторых случаях вообще отказывается считать такую демократию за государственное

устройство. Мыслитель видит опасность и безысходность порядка, где практикуется безусловное политическое равноправие всех граждан, так как это влечет за собой установление крайней демократии. Будучи ее свидетелем, Аристотель пишет: «Что касается крайней демократии, при которой все принимают участие в государственном управлении, то не всякое государство в состоянии выносить ее, да и продержаться ей долго нелегко, если только она не скреплена законами и правами граждан (о том же, что ведет к крушению и этого и остальных видов государственного устройства, почти все уже сказано ранее). Чтобы установить эту демократию и придать силу народу, стоящие во главе ее обыкновенно привлекают в число граждан возможно большее количество людей и дают права гражданства не только законнорожденным, но и незаконнорожденным, и тем, у кого один из родителей – либо отец, либо мать – граждане; ведь все они больше подходят для такого рода демократии. Так обыкновенно поступают демагоги» [38]. И выходит так, что демагоги становятся могущественными вследствие сосредоточения верховной власти в руках народа, а они властвуют над его мнениями, так как народная масса находится у них в послушании [39].

Не даром Аристотель выказывает резко отрицательное отношение к такой демократии, отводя ей последнее место во всех трех классификациях, в противоположность лучшему из видов. Он считает, что «все мероприятия, к которым прибегают тираны, по-видимому, характерны и для демократии» [40], по крайней мере для ее крайней формы. Следствием этого является полное беззаконие властвующего, скорее не демоса, а охлоса, находящегося под влиянием демагогов. Такая практика вынуждает Аристотеля говорить о власти закона, которая отсутствует при крайней демократии. Она вызывает у философа такое отвращение, что он даже отказывается принимать ее за государственное устройство, отмечая, что «по-видимому, такого рода демократии можно сделать вполне основательный упрек, что она не представляет собой государственного устройства: там, где отсутствует власть закона, нет и государственного устройства. Закон должен властвовать над всем; должностным же лицам и народному собранию следует предоставить обсуждение частных вопросов. Таким образом, если демократия есть один из видов государственного устройства, то, очевидно, такое состояние, при котором все управляется постановлениями Народного собрания, не может быть признано демократией в собственном смысле, ибо никакое постановление не может иметь общего характера» [41].

Условие законности, выдвигаемое Аристотелем, имеет особое значение, так как является объективным требованием, ограничивающим субстанциональный признак демократии в случае полной неразумности при принятии совместных решений, тем самым оберегая всевластвующий демос от самого себя. В этой связи, Стагирит выступает против псефизма, т.е. постановлений

народного собрания, которые носят частный характер по отношению к отдельным лицам. К тому же, как мы полагаем, он требует не только предварительного обсуждения законопроектов до внесения в народное собрание, но и разумности при принятии решений, а не слепого подчинения искусным болтунам.

Напомним, что условие законности является единственно важным принципом, который присутствует в аристотелевских видах, но не находит своего достойного места в (I виде, I К), принятого нами за определение демократии. Несмотря на это, сама дефиниция довольно полно раскрывает и объясняет все основные принципы, уточняя также суть и содержание демократии.

Заключение

Первопричина, обусловившая необходимость данного исследования, заключалась в поиске наиболее полноценной и содержательной дефиниции демократии из всех формулировок, представленных Стагиритом. Решение поставленной задачи, естественно, предполагало тщательный анализ всех суждений о демократии и особенно ее видов, которым философ придавал важное значение. В результате предварительного знакомства с материалом было обозначено две проблемы. Первая – это количественное несоответствие видов демократий, представленных в различных классификациях. И вторая проблема, а скорее предположение, что первый вид первой классификации (I вид, I К), который по содержанию заметно отличается от остальных, больше подходит не на вид, а на определение демократии.

Поиск ответов на первый вопросы в научной литературе не дал желаемого результата, кроме представленной профессором Т.В. Кудрявцевой позиции Й. Шлоссера, согласно которой два первых вида первой классификации, т.е. (I вид, I К) и (II вид, I К) являются одним видом, что в свою очередь снимало количественное несоответствие видов между различными классификациями. Не имея возможности объективно подтвердить или опровергнуть данный тезис, по причине незнания греческого языка, мы обратились к сравнительному анализу, который не подтверждает точку зрения немецкого историка.

Если представить полученные результаты в виде схемы, используя предложенную выше кодификацию, то соответствие между видами демократий различных классификаций будут выглядеть следующим образом:

(I вид, I К)

(II вид, I К) ↔ (I вид, II К) ↔ (I вид, III К)

(III вид, I К) ↔ (II вид, II К)

(IV вид, I К) ↔ (III вид, II К)

(V вид, I К) ↔ (IV вид, II К) ↔ (IV вид, III К).

Очевидно, что каждому виду одной классификации соответствует определенный вид другой, кроме (I вида, I К). Но принципиальность такого отличия, как показало исследование, заключается в том, что условия или требования, указанные в первом виде первой классификации (I вида, I К), являются общими для нижеследующих четырех видов первой классификации и для демократии в целом. Из чего с очевидностью выводится, что данный вид является ничем иным, как определением демократии.

Таким образом, мы приходим к заключению, что, скорее всего, в первоисточнике философ говорил не о первом, а скорее о первичном, т.е. об основном виде демократии, – являющимся определением.

Дальнейшее исследование самого определения показывает, что оно довольно глубоко раскрывает субстанцию демократии, т.е. то непреложное качество, свойство или признак, без которого она немыслима. Следовательно, под определяющей субстанцией демократии мы понимаем такое суждение, которое объясняет и уточняет ее основную и неизменную суть.

В свете приведенных в работе доводов, мы считаем, что первый вид первой классификации, который принят нами за определение демократии, в противоположность целого ряда формулировок, носящих общий характер, является относительно полным по содержанию и достаточно точно раскрывает основную суть демократии, сводя ее к следующему. Согласно Аристотелю, свобода и равенство являются ничем иным, как ее важнейшими признаками, которые находят свое осуществление в том, «чтобы все непременно принимали участие в государственном управлении». Следовательно, требование свободы и равенства призваны обеспечить необходимые условия политического участия всех граждан. А поскольку демократия представляет собой явление политическое, ее признаки прежде всего должны рассматриваться с точки зрения их политического содержания. Стало быть, требование политической свободы предполагает правовую возможность участия в управлении полисом, а условие политического равенства обеспечивает равноправие участников при принятии совместных управленческих решений и постановлений. Таким образом, суть демократии сводится не к самой свободе и равенству, как часто и неверно полагают многие специалисты, акреализации этих признаков в принятии согласованных решений всеми гражданами при определяющем значении воли большинства. Получается, что основной субстанцией демократии является форма коллективного принятия решений большинством равноправных участников.

Увы, но в научной литературе мы часто сталкиваемся с укоренившимся непониманием как сути демократии, так и содержания ее основных признаков, отмеченных Аристотелем.

Не исключено, что одна из причин, приводящих к некорректной трактовке целого ряда политических воззрений Аристотеля, кроется в глубокой

трансформации понятия демократии, произошедших в последующей за античностью эпохи и дошедших до нас в совершенно искаженном виде.

Подытоживая исследование, хочется заметить, что предложенные Аристотелем виды демократии приводят к осознанию, что демократия не является чем-то однозначным. Как он показывает, народные правления могут быть различны, но при условии определяющей их как демократии единой субстанции.

Кроме того, необходимо принять к сведению, что несмотря на значительное количество работ, посвященных античной философской мысли, многие вопросы остаются открытыми и ждут своих ответов и решений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бузольт Г. Очерк государственных и правовых греческих древностей / Пер. с нем. студентов Императорского Харьковского Университета. Харьков: Типография Адольфа Дарре, 1890. С. 7.
2. Там же. С. 7.
3. Виннер Р.Ю. История Греции в классическую эпоху IX–IV вв. до Р.Х. М.: Типо-литография Товарищества И.Н. Кушнерев и К°, 1916. С. 572.
4. Бергер А.К. Политическая мысль древнегреческой демократии. М.: Изд-во «Наука», 1966. С. 137.
5. Диоген Лаэртский О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Общ. ред. и вступит. статья А.Ф. Лосева. М.: Мысль, 1979. С. 213.
6. Бергер А.К. Политическая мысль древнегреческой демократии. М.: Изд. «Наука», 1966. С. 138.
7. Виннер Р.Ю. История Греции в классическую эпоху IX–IV вв. до Р.Х. М.: Типо-литография Товарищества И.Н. Кушнерев и К°, 1916. С. 572.
8. Аристотель. Политика // Аристотель Соч.: в 4-х т. Т. 4 / Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А.И. Доватура. М.: «Мысль», 1984. С. 496.
9. Там же. С. 498.
10. Там же. С. 498.
11. Там же. С. 574.
12. Бузольт Г. Очерк государственных и правовых греческих древностей / Пер. с нем. студентов Императорского Харьковского Университета. Харьков: Типография Адольфа Дарре, 1890. С. 54.
13. Бузескул В.П. История афинской демократии / Вступ. ст. Э.Д. Фролова; науч. редакция текста Э.Д. Фролова, М.М. Холода. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2003. С. 290.
14. Бергер А.К. Политическая мысль древнегреческой демократии. М.: Изд-во «Наука», 1966. СС. 144–145.
15. Гуманс Х. Рождение Афины. Афинский путь к демократии: от Гомера до Перикла (VIII–V вв. до н.э.) / Вступ. ст., науч. и лит. ред. Э.Д. Фролова. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2002. С. 481.
16. Кудрявцева Т.В. Греческие философы о демократии: pro et contra // Философия и общество. 2008. № 1 С.121.
17. Там же. СС. 121–122.

18. *Аристотель*. Политика // Аристотель Соч.: в 4-х т. Т. 4 / Пер. с древнегреч. Общ. ред. А.И. Доватура. М.: Мысль, 1984. СС. 498–499.
19. Там же. С. 574.
20. Там же. С. 575.
21. Там же. С. 499.
22. *Бузескул В.П.* История афинской демократии / Вступ. ст. Э.Д. Фролова; науч. редакция текста Э.Д. Фролова, М.М. Холода. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2003. С. 290.
23. *Бузольт Г.* Очерк государственных и правовых греческих древностей / Пер. с нем. студентов Императорского Харьковского Университета. Харьков: Типография Адольфа Дарре, 1890. С. 54.
24. *Аристотель*. Политика // Аристотель Соч.: в 4-х т. Т. 4 / Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А.И. Доватура. М.: «Мысль», 1984. СС. 570–571.
25. Там же. С. 455.
26. Там же. С. 458.
27. Там же. СС. 491–492.
28. *Аристотель*. Никомахова этика // Аристотель. Соч.: в 4-х т. Т. 4 / Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А. И. Доватура. М.: «Мысль», 1984. С. 235.
29. *Аристотель*. Политика // Аристотель Соч.: в 4-х т. Т. 4 / Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А.И. Доватура. М.: Мысль, 1984. С. 574.
30. Там же. С. 515.
31. Там же. СС. 464–465.
32. Там же. С. 526.
33. *Гуманс Х.* Рождение Афины. Афинский путь к демократии: от Гомера до Перикла (VIII–V вв. до н.э.) / Вступ. ст., науч. и лит. ред. Э.Д. Фролова. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2002. С. 481.
34. *Кудрявцева Т.В.* Греческие философы о демократии: pro et contra // «Философия и общество», 2008. № 1 С. 119.
35. *Аристотель*. Политика // Аристотель Соч.: в 4-х т. Т. 4 / Пер. с древнегреч. Общ. ред. А.И. Доватура. М.: «Мысль», 1984. С. 551.
36. Там же. С. 571.
37. *Гуманс Х.* Рождение Афины. Афинский путь к демократии: от Гомера до Перикла (VIII–V вв. до н.э.) / Вступ. ст., науч. и лит. ред. Э.Д. Фролова. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2002. С. 482.
38. *Аристотель*. Политика // Аристотель Соч.: в 4-х т. Т. 4 / Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А.И. Доватура. М.: «Мысль», 1984. СС. 576–577.
39. Там же. С. 497.
40. Там же. С. 577.
41. Там же. С. 497.

ANALYSIS OF TYPES OF DEMOCRACY AND ITS DETERMINING SUBSTANCE ACCORDING TO ARISTOTLE

A. Ter-Vardanyan

Russian-Armenian (Slavonic) University

aram.ter.vardanyan@gmail.com

ORCID: 0009-0006-2685-2414

ABSTRACT

The article is devoted to the study of two theoretical issues that are important for a meaningful understanding of ancient democracy. The first subject of the study is the types of democracy proposed by Aristotle and the reason for their quantitative discrepancy in various classifications, in one of which he speaks of five, and in the other two - of four types. The second subject is the analysis and clarification of the defining substance of democracy according to Stagirite.

The aim of the article is to comprehend the Aristotelian, and therefore the ancient understanding of democracy. The results of the study can be used to solve a wide range of scientific problems, such as the problem of periodization of Athenian democracy, a comparative study of subsequent transformations of the understanding of democracy, the problem of its definition, etc.

The author mainly uses a comparative research method.

Keywords: Aristotle, types of democracy, substance of democracy, freedom, equality, definition of democracy.